

Научная статья

УДК: 82+82.821+82.94+82.14+82.32

doi: 10.17223/23062061/28/8

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ ВЛАДИМИРА НАРБУТА: АРХИВЫ, ТЕКСТЫ, ПОДХОДЫ

Роман Романович Кожухаров

Литературный институт им. А.М. Горького, Москва, Россия, r_k_md@mail.ru

Аннотация. Рассматриваются история публикаций художественного наследия В. Нарбута, а также принципы, которыми руководствовались составители посмертных отдельных изданий поэта; особое внимание уделяется подходам, использованным при подготовке наиболее полного собрания сочинений Нарбута, вышедшего в 2018 г. и впервые дополненного, помимо стихотворных текстов, прозой и переводами. Затрагиваются историко-литературные и текстологические аспекты, актуализированные архивными изысканиями, работой с черновиками поэта и первопубликациями его произведений.

Ключевые слова: В. Нарбут, Л. Чертков, последняя воля автора, архив

Для цитирования: Кожухаров Р.Р. Собрание сочинений Владимира Нарбута: архивы, тексты, подходы // Текст. Книга. Книгоиздание. 2022. № 28. С. 125–140. doi: 10.17223/23062061/28/8

Original article

THE COLLECTED WORKS OF VLADIMIR NARBUT: ARCHIVES, TEXTS, AND APPROACHES

Roman R. Kozhukharov

*Maxim Gorky Institute of Literature and Creative Writing, Moscow, Russian Federation,
r_k_md@mail.ru*

Abstract. The last lifetime poetry collection of Vladimir Narbut was published in 1922. Started by the poet in the 1930s, work on the preparation of the book of selected poems *Spiral* was interrupted by his arrest and, subsequently, tragic death in Kolyma in 1938. Since then, separate editions of Narbut's works have been published three times: in 1983 the poet Leonid Chertkov compiled a collection *Vladimir Narbut. Selected Poems* in France; in 1990 N. Panchenko and N. Byalosinskaya published the book *Vladimir Narbut. Poems* in the USSR; in 2018 the OGI publishing house published the book *Vladimir Narbut. Collected Works. Poems, Translations, Prose*. The third, latest in nearly a hundred years, reference to the works of one of the most distinctive poets of the era in the context of preparing a separate collection of his oeuvre actualized the issue of developing approaches to be guided by when compiling the forthcoming collection. The key element here seemed to be the comprehension of the experience of preparing the previous separate editions of 1983 and 1990, as well as the scientifically commented publications of Narbut's works made by researchers in the literary periodicals of the late

20th – early 21st centuries. The closest correlation of the tragic ups and downs of Narbut's life with the "geological upheaval" of the 1917 Revolution and the Civil War led to the ambiguous dependence of the posthumous fate of the poet's creative heritage on the context of the era, diametrically opposed and mutually exclusive attitudes in the perception of key events in Russian and world history of the 20th century. The preparation of Narbut's collected works was planned in the interconnection of two directions: (1) the continuation of work to eliminate the "blank spots" in the poet's biography, and (2) the formation of the most complete collection of Narbut's fiction for the first time supplemented, in addition to poetic texts, with prose and translations. In preparation for the publication of Narbut's literary texts included in the collected works, the issue of using a real commentary as the main approach in preparing notes was updated, taking into account the biographical, historical, literary, folklore, mythological, and linguistic aspects. Directions were set by the thorough work that began in the 1983 edition, and especially in the 1990 edition. The bulk of research on Narbutov's texts and biographical facts was carried out in the funds of the Odessa Literary Museum and the Odessa National Library named after A.M. Gorky (Odessa periodicals of the 1920s), in state and private archives and funds of Moscow, including the Manuscript Department, the main and newspaper funds of the Russian State Library, in the department of manuscripts of the Russian State Archive of Literature and Arts, in the archives of the Federal Security Service, the Russian State Archive of Socio-Political History, the State Archive of the Russian Federation.

Keywords: Vladimir Narbut, Leonid Chertkov, author's last will, archive of Viktor Shklovsky

For citation: Kozhukharov, R.R. (2022) The Collected Works of Vladimir Narbut: Archives, texts, and approaches. *Tekst. Kniga. Knigoizdanie – Text. Book. Publishing*. 28. pp. 125–140. (In Russian). doi: 10.17223/23062061/28/8

Последний прижизненный поэтический сборник Владимира Нарбута вышел в 1922 г. Начатая поэтом в 1930-е гг. работа по подготовке книги избранных стихотворений «Спираль» была прервана его арестом и впоследствии трагической гибелью на Колыме в 1938 г.

С тех пор отдельные издания произведений Нарбута выходили трижды: в 1983 г. во Франции поэтом Леонидом Чертковым был составлен сборник «Владимир Нарбут. Избранные стихи», Н. Панченко и Н. Бялосинская подготовили книгу «Владимир Нарбут. Стихотворения», изданную в 1990 г. в СССР.

В 2018 г. в издательстве ОГИ вышел том «Владимир Нарбут. Собрание сочинений. Стихи, переводы, проза». Третье за без малого сто лет обращение к творчеству одного из самобытнейших поэтов эпохи в контексте подготовки отдельного собрания его художественных произведений актуализировало вопрос выработки подходов, которыми следовало руководствоваться при составлении корпуса текстов готовящегося собрания. Ключевым здесь представлялось осмысление опыта подготовки предыдущих отдельных изданий 1983 и 1990 гг., а также научно комментированных публикаций произведений Нарбута, осуществленных иссле-

дователями в литературной периодике конца XX – начала XXI в. [1. С. 313–355; 2. С. 106–123; 3. С. 55; 4. С. 399]¹.

Леонид Чертков «заведомую неполноту» составленного и выпущенного им в 1983 г. сборника Нарбута обосновывает так: «Настоящее издание является первой попыткой собрания стихов поэта, чьи произведения в высшей степени неравноценны» [6. С. 243]. Далее составитель уточняет: «Во-первых, за пределами книги остается много „проходных“ стихов, печатавшихся в периодике 10-х гг. (или оставшихся в рукописи), когда Нарбут, по словам его друга М. Зенкевича, пытался существовать на гонорары от стихов. Другое значительное изъятие касается стихов 1917–1922 гг., когда он, став коммунистом, в значительной степени подчинил свое творчество агитационным задачам (отсюда мы выбрали всего несколько стихотворений). <...> И, наконец, из последнего периода 30-х гг. мы выбрали лишь те стихи, которые в большей мере отвечают критерию художественности. Помимо этого мы вынуждены были оставить пока без внимания правку основного корпуса стихов для готовившегося Нарбутом перед арестом сборника „Спираль“» [Там же. С. 243].

Издание 1983 г., впервые после более чем полувекового перерыва представило подробный очерк жизни и творчества Нарбута и «лучшее из лучшего» в его поэзии. Однако избирательный подход, которым Чертков руководствовался, решая сверхзадачу по возвращению имени Нарбута из небытия, как следует из озвученных самим составителем установок, предполагал учёт не только «воли автора, который собрал свои основные стихи в одну серию сборников, „советские“ – в другую, а к „проходным“ первого периода вообще никогда не возвращался» [Там же. С. 243], но и вкуса Черткова-поэта, опиравшегося на собственное понимание «художественных критериев», а также политические предпочтения (уточнение по поводу стихов 1917–1922 гг.).

Например, попытки разделить в нарбутовских сборниках «Плоть» или «Советская земля» «основные» и «советские» стихи, следуя предложенной Чертковым классификации, превращаются в трудноразрешимую задачу. Это, в свою очередь, позволяет сделать вывод о том, что понимание того, где проходит водораздел между «агиткой» и «поэзией как таковой», в восприятии самого Нарбута и в восприятии составителя нарбутовского сборника 1983 г. все-таки разнилось.

Свидетельство М. Зенкевича о том, что Нарбут в 1910-е гг. пытался существовать на гонорары от стихов, подтверждается и признанием само-

¹ Образцом комментирования нарбутовской прозы можно считать подготовленную Р.Д. Тименчиком публикацию «Блок – советник студенческого журнала. Блок и литераторы» [5. С. 546–548].

го поэта, сделанным в ходе партийного разбирательства 1927–1928 гг., закончившегося смещением Нарбута с руководящих постов и исключением из ВКП(б): «В Петербурге, получая вместе с братом из дому 25 рублей в месяц, вынужден был искать заработок для поддержания своего существования. Любовь к литературе (в гимназии и попозже я пописывал стихи, очерки и рассказы) толкнула меня на путь журнально-газетной работы. Постепенно я прошел едва ли не все ступени этой работы: был хроникером, корреспондентом, рецензентом, популяризатором, переводчиком, редактором, – словом, мало-помалу сделался писателем, литератором» [7. С. 5]. Однако возможно предположить, что нежелание Нарбута возвращаться к некоторым своим дореволюционным публикациям было связано не только с тем, что он считал эти произведения «проходными» и напечатанными исключительно ради заработка, но обусловлено причинами более глубокими, онтологическими, связанными с историческими переменами, произошедшими в стране и в судьбе самого поэта.

Дореволюционные поэтические публикации Нарбута демонстрируют укоренённость его художественного мира в христианском мировоззрении, позволяя рассматривать раннюю лирику поэта в контексте духовной поэзии [2. С. 106–123]. Этой же тенденцией отмечена печатавшаяся до революции проза – очерки и рассказы, создаваемые с оглядкой на идейно-тематический план и жанровые формы святочного и пасхального рассказа.

Без осмысления этого обширного пласта художественного наследия представляется весьма сложным проследить, например, аспекты укоренённости в православном контексте художественного мира поэта, «в том неканоническом, народном его проявлении, с которым легко уживается так называемая „малая мифология“, фольклорная демонология, тот „лес народных поверий и суеверий“, о котором писал Блок» [8. С. 23].

Противоречивое, на первый взгляд, решение Нарбута связать в 1917 г. свою судьбу с большевизмом, как это ни парадоксально звучит, соотносится с траекторией следования идеалам демократизма и социальной справедливости, пронизанным евангельским мироощущением. Этой траекторией отмечена и галерея образов-портретов сборника 1912 г. «Аллилуиа»¹, и написанный годом позже рассказ «Пелагея Петровна», интонированный антиклерикальным пафосом, озаренный отсветами надвигающегося революционного пожара.

Н. Бялосинская и Н. Панченко указывают на то, что общественный темперамент Нарбута «определяет всю дальнейшую (и поэтическую)

¹ Название книги существует в трех вариантах написания: «Аллилуиа» (авторское, повторенное дважды на обложках изданий 1912 и 1922 гг., старославянским и гражданским шрифтом соответственно), «Аллилуйя» и «Аллилуйя» (оба встречаются в статьях и работах о Нарбута).

жизнь и судьбу, столь же противоречивую, сколь и прямолинейную» [8. С. 26].

Нарбут последовательно реализует свою по пунктам расписанную акмеистическую программу в контексте органичной для мировосприятия поэта новозаветной тематики¹. Как и в дореволюционных стихотворных и прозаических публикациях, в своей послереволюционной лирике Нарбут последовательно обращается к евангельским сюжетам. Настойчивость, с которой Нарбут это делает, в русской поэзии XX в. сопоставима, пожалуй, лишь с примером Бродского и путеводным в его творческой эволюции рождественским циклом.

Библейский контекст в стихах 1920-х гг., отнесенных Л. Чертковым к разряду «агитационных», порой переосмысливается с богоборческих позиций: «Что мощей покров парчовый, // Церковь, дряхлая хозяйка». Таков пафос стихотворений «Развернулось сердце розой...» [9. С. 4], «Красный акафист» [10. С. 1], «Наше Рождество» [11. С. 3] и др. Однако неизменно присутствует ключевой в поэтике Нарбута мотив пасхального тропаря «смертию смерть поправ»: «Ты смертию смерть поборол, пролетарий // Из мертвых восстал ты в победной борьбе!» («Ты видишь, рабочий? – Над Киевом белый...» [12. С. 1]), «И не Христос восстал из мертвых, а Солнценосный Коминтерн!» («Первомайская Пасха» [13. С. 14]).

Как поэтическое воплощение настойчивого стремления Нарбута преодолеть мучительную «несогласуемость» интенции поэта и запросов времени, внешних обстоятельств и внутренних установок, можно расценивать стихотворение «Рождественская звезда» [14. С. 2], написанное в Харькове 25 декабря 1921 г.:

Как в далеком детстве, со звездой,
По снегам рождественским бродить,
Жизни с мудростью ее простою
Все дурное за вечер простить...

Чтобы звонкий, ясный, молодой мороз
С месяцем окрепшим, с тишиною рос;
Чтобы все закуты, все углы души
Нега тюлем дрёмы заткала в тиши.

¹ См. перечень «Книги Владимира Нарбута» в рукописи опубликованного в корпусе «Собрания сочинений» сборника «Книга стихов IV», где уже вышедшим и задуманным автором сборникам дана единая сквозная нумерация. В частности указано: «Готовятся: // Вий. Книга V стихов. // И вочеловечшася. VI книга стихов» [24. Л. 1].

Взрослые, – с пятиконечной, алой, –
Бродим по свету мы со звездой.
Пением «Интернационала»
Колядуем, с тьмой вступая в бой.

Чтобы пролетарий новый мир воздвиг, –
Мир без крепостного рабства, без вериг:
Чтобы в человеках днесь и навсегда
В душах, солнцем ставших, умерла вражда!

Трагические перипетии революции и Гражданской войны, ряд ситуаций на грани жизни и смерти вынуждают поэта утвердиться в тезисе, сформулированном еще до 1917 г.: «...но нельзя не считаться с действительностью». Новая, послереволюционная действительность, в которую с головой погрузился Нарбут, формировала принципиально новый ракурс восприятия не только тех или иных поэтических тем, но и поэзии как таковой. Красноречиво в этой связи высказывание И. Лежнева, датированное 1924 г.: «И трижды прав Вл. Нарбут, несомненно один из интереснейших поэтов нашего времени, что, посвятив себя политической работе, он отсек художественную, – и стихов сейчас не пишет „принципиально“. Работа его в Ц.К.Р.К.П. совершенно отчетлива, ясна, прямолинейна, рациональна до конца. Поэтическое же творчество по самой природе своей иррационально, и „совместительство“ было бы вредно для обоих призваний. Здесь у Нарбута – не только честность с самим собой, которой в наше время не хватает многим и многим; здесь еще и здоровый эстетический инстинкт художника, которого лишены наши бесталанные соискатели этого блистательного звания» [15. С. 187].

Сам поэт в автобиографии 1927 г. характеризует создавшуюся ситуацию так: «Стихи бросил писать в 1921 году (последнюю книжку старых стихов выпустил в 1922 г.; в 1920 и 1921 гг. издал два сборника революционных стихов), твердо учитывая бесполезность и ненужность в настоящее время подобного рода занятий» [7. С. 2].

В связи с этим приходится констатировать, что избирательный подход, какими бы принципами он ни был мотивирован: эстетическими предпочтениями либо политическими взглядами, идеологической конъюнктурой, – приводит к ситуации «значительных изъятий» и в творческой биографии, и в поэзии, а следовательно, в искажении восприятия целостной картины художественного мира автора.

Показательно, что Л. Чертков оставляет без внимания правку основного корпуса стихов для готовившегося Нарбутом перед арестом сборника «Спираль», на что указывает в примечаниях. С одной стороны, состав-

витель нарушает принцип последней воли автора, которому сам старается следовать. Однако в данном случае, очевидно, учитывался контекст времени и ситуации, в которой Нарбут, в преддверии ареста в октябре 1936 г., готовил к печати свою, как оказалось, последнюю и так и не изданную книгу избранного, внося в стихи правки, обусловленные, как можно предположить, не только и не столько творческой эволюцией, сколько общественно-политической ситуацией в целом и ситуацией обстановки, в которой поэт оказался после исключения из партии и которую он сам красноречиво описывает в заявлении в ЦКК: «Вымышленная, болезненная обстановка, отягощающая и без того крайне тяжелое моё моральное состояние и ставящая меня на положение буквально „зачумленного“ человека» [16. С. 102].

В любом случае реализация этих принципов и подходов обусловила наличие в первом посмертном издании стихотворений поэта, как констатирует Чертков, «значительных изъятий».

Н. Бялосинская и Н. Панченко, осуществляя подготовку издания 1990 г., выбирают «предложенное самим Нарбутом построение в составленной им рукописи избранного „Спираль“» [8. С. 404]. То есть и здесь на уровне композиции демонстрируется следование принципу последней воли автора. Ключевое слово «избранное» и в данном случае обуславливает приоритет избирательного подхода, органично реализованного Чертковым в первом посмертном издании стихов Нарбута 1983 г.

Однако очерченные «Спиралью» структурные рамки воспринимаются составителями издания 1990 г. как слишком тесные, вынуждая изменить композицию корпуса нарбутовских текстов. Составители мотивируют это обнаруженными в прижизненных публикациях и в архивах стихами, в том числе рукописью книги «Казненный Серафим». Более того, наряду с основным, избранным, в структуре издания 1990 г. формируется приложение, куда помещаются стихи Нарбута разных лет: «юношеские, агитационные, экспериментальные („научные“), найденные незавершенными в черновиках» [8. С. 404]. Таким образом, несмотря на декларирование следования композиционному замыслу «Спирали» и принципу избирательности, разграничивающему нарбутовское художественное наследие, с одной стороны, на «поэзию как таковую» и, с другой – на «агитки», «проходные» и «советские» стихи, фактически составители издания 1990 г. стремятся к полноте в воссоздании сложной и противоречивой картины художественного мира Нарбута.

Обусловленная избирательным подходом проблема «наличия отсутствия... значительных изъятий» в творческом наследии Нарбута соотносится со значительными изъятиями в творческой биографии поэта,

провоцирующими ситуацию инсинуаций и домыслов, фиксируемую составителями издания 1990 г.: «Стоит показать стихи Нарбута в современном кругу поэтов или читателей, как почти обязательно следует реплика: «Какие замечательные (прекрасные, удивительные и т.п.) стихи! Но что-то с этим Нарбутом было... То ли он зверствовал в ЧК (варианты: „кого-то расстреливал“, „какой-то страшный человек“)» [8. С. 7–8].

Теснейшая корреляция трагических перипетий жизни Нарбута с «геологическим переворотом» революции 1917 г. и Гражданской войны обусловила двусмысленную зависимость посмертной судьбы творческого наследия поэта от контекста эпохи, диаметрально противоположных и взаимоисключающих установок в восприятии ключевых событий русской и мировой истории XX в. В этой связи показателен отзыв на первое посмертное издание стихотворений Нарбута, выпущенное в 1983 г. в Париже Леонидом Чертковым: «Кто такой Владимир Нарбут? Вопрос не праздный, поскольку поэта этого забыли дважды. Точнее – с двух сторон забыли» [17. С. 419].

Констатируя ключевую для творческой эволюции Нарбута проблему «белых пятен» в контексте его биографии, Л. Чертков предпосылает корпусу избранных стихотворений развернутый, насыщенный ценнейшими фактами и отсылками очерк жизни и творчества поэта. Стремящееся к полноте жизнеописание вкупе с подробными примечаниями положило начало серьезным изысканиям в области нарбутоведения.

Композиция издания 1990 г. также состоит из трех частей: очерка жизни и творчества поэта, стихотворений и примечаний. Корпус художественных текстов дополнен письмами Нарбута из заключения ко второй жене С.Г. Суок. Примечания в издании, подготовленном Н. Бялосинской и Н. Панченко, в сравнении с изданием 1983 г. «прирастают» за счет применения реального комментария, текстологических изысканий, фиксирующих случаи разночтений.

Таким образом, в изданиях и 1983 г., и 1990 г. в той или иной степени воплощается стремление к полноте как единственной возможности преодоления проблемы идейно-эстетических, онтологических противоречий трагической судьбы Нарбута, посмертного бытия его художественного наследия.

Подготовка собрания сочинений Нарбута предполагалась во взаимосвязи двух направлений: во-первых, продолжения работы по устранению «белых пятен» в биографии поэта и, во-вторых, формирования наиболее полного свода художественных произведений Нарбута, впервые дополненного, помимо стихотворных текстов, прозой и переводами.

В контексте первого направления ключевым можно считать знакомство с «партийным» делом Нарбута, которое находится в РГАСПИ, а также с хранящимся в архиве ФСБ следственным делом группы украинских писателей-националистов, в составе которой Нарбут был арестован, осужден и отправлен на Колыму. В своё время составителю собрания сочинений Нарбута удалось обнаружить в РГАСПИ отдельные, датированные 1927–1928 гг. протоколы ЦКК, касающиеся противостояния Нарбута и А.К. Воронского. Однако целиком персональное дело поэта в РГАСПИ было найдено исследователями Д.М. Фельдманом и О. Киянской. Документы партийного разбирательства, хранящиеся в этой папке, не только устраняют многие неясности и уточняют подробности «беспокойной и трагичной» судьбы поэта, но и содержат отсылки к его художественному наследию, которое в ходе партийного разбирательства использовалось оппонентами Нарбута в качестве изобличающих улик.

Вот выдержки из стенограммы одного из заседаний: «А. Воронский: тов. Нарбут – человек, который раньше писал в „Новом времени“. Запишите это. Писал в 1922 г. стихи „Надежда Петровна“, вышла в 1922 г., когда вы были коммунистом, невероятно порнографического содержания (Нарбут с места: это неверно)» [18. С. 24]. В приложении к партийному делу, вместе с экземплярами сборников «Плоть» и «Александра Павловна», в качестве «вещественных доказательств» содержатся черновик нарбутовского стихотворения «В вагоне» (опубликованного в 1922 г. в одесском журнале «Зритель» под названием «Железная дорога»), а также машинопись текста стихотворения Нарбута «На закате», опубликованного в 1913 г. в приложении к «реакционной» газете «Новое время» и больше не печатавшегося.

Ценным в контексте проблематики биографии и библиографии Нарбута стало уточнение подробностей другого отмеченного скандалом противостояния, в которое поэт оказался вовлечен в роковом для него и страны 1917 г. В октябре 1917 г. в Глухове, на своей малой родине, Нарбут принимает участие в кампании по выборам «в гласные уездного земства», что провоцирует резкую полемику на страницах местной газеты «Известия Глуховского совета солд., раб. и крестьянских депутатов». Оппонент поэта на выборах, редактор глуховских «Известий» М.И. Буримов в одной из статей, направленных на дискредитацию «большевика» и «футуро-интернационалиста» Нарбута, в частности, сообщает, что два с половиной года назад (т.е. в 1915 г.) тот подвизался в официозной губернской газете «Черниговское слово», помещая там свои «поэзы», воспевающие «грабительскую» Первую мировую войну [19. С. 2–3].

Данный пассаж и тут же в заметке процитированное стихотворение Нарбута «Вперед» отсылают к циклу произведений, посвященных событиям Первой мировой войны, сражениям и подвигам солдат Русской армии и опубликованных Нарбутом весной 1915 г. в газете «Черниговское слово».

Еще один пласт произведений Нарбута, не печатавшихся со времени первопубликации и связанных с военной тематикой, относится к ключевому в творческой биографии поэта одесскому периоду и связан с советско-польской войной 1920 г.¹ Созданные в это время стихи, с одной стороны, попадают в разряд «агитационных», но с другой – далеко этим определением не исчерпываются. Они не только пронизаны духом времени («не жить и не родиться б в эти дни...», «Дворянской кровию отяжелев...» [21. С. 2]), но и насыщены историческим контекстом, фактами и деталями нового быта и бытия.

В данном случае, как и в целом в отношении текстов собрания сочинений, актуализировался вопрос использования реального комментария в качестве основного подхода при подготовке примечаний с учётом биографического, исторического, литературного, фольклорного, мифологического, языкового аспектов. Во многом направления здесь были заданы кропотливой работой, начатой в издании 1983 г. и в особенности – в издании 1990 г.

Основной объем изысканий в отношении нарбутовских текстов и биографических фактов, помимо одесских архивов и фондов, осуществлялся в государственных и частных архивах и фондах Москвы, в том числе, в рукописном отделе, основном и газетном фондах РГБ, в отделе рукописей РГАЛИ [22], в архивах ФСБ [23], РГАСПИ, ГАРФе.

Неоценимую помощь во время работы с одесской периодикой 1920-х гг., хранящейся в фондах Одесского литературного музея и Одесской национальной библиотеки, оказали А.Л. Яворская и О.М. Барковская. Фотокопии «Студенческого сборника» 1909 г. с подборкой стихотворений и рассказом «Часы», которую сам Нарбут считал началом своего поэтического пути, для собрания сочинений предоставил известный краевед, культуролог, журналист и собиратель Е.М. Голубовский.

Корпус художественных произведений Нарбута представлен тремя частями: «Стихи», «Проза», «Переводы». Расположение текстов в каждой из частей осуществлено с опорой на хронологический принцип, однако в

¹ Этот стихотворный цикл Нарбута 1920 г. подробно рассмотрен в статье «Стихи о войне Владимира Нарбута» [20. С. 105–112].

части «Стихи» некоторые разделы выделены тематически, в соотнесении с общей установкой на сохранение хронологической канвы.

Тематические разделы соответствуют опубликованным при жизни поэтическим сборникам Нарбута, подготовленным самим поэтом, но не изданным рукописям сборников (за исключением сборника «Спираль»), а также стихотворным циклам.

Например, тематический раздел «Стихи о войне», куда включены одноименный цикл и примыкающие к нему стихи одесского периода, окружают хронологические разделы «Советская земля (1918–1921)» и «Стихотворения 1921–1923». К такому соотнесению тематического контекста и хронологии устремлена композиция стихотворного корпуса в целом.

В частности, опубликованы произведения из подготовленной поэтом к печати в 1913 г., но не вышедшей в свет рукописи «Книга стихов IV» [24]. В одноименном разделе помещены только те стихотворения из рукописи, которые не публиковались в прижизненных книгах Нарбута. Исключение составляет первое в рукописи 1913 г. стихотворение: «Неразвернувшейся душой – медвежий», впоследствии в существенно переработанном виде открывшее сборник «Плоть». Эти стихи, по сути, являются стихотворным манифестом «адамизма», провозглашая: «И нам ли ныть, когда мы все – Адамы?! // Да здравствует вселенский адамизм!» Показательно, что эхо этой эстетической программы, вырабатывавшейся в русле акмеистических исканий еще в 1912 г., находит отклик и в «агитационных» стихах нового, большевистского времени. Например, в стихотворении «Мы» есть такие строки:

(На крик в ночи) – «Глядите в оба»,
Твердит РАБФАК и ФАБРЗАВУЧ,
И не в обузу им учеба,
А яблоком – на грудь, из туч.
Мы, коллективные Адамы,
Расколдовали Т – Д – Т,
Над молотами мы упрямы
В передрабассветной темноте.

Для упомянутых в стихах аббревиатур «РАБФАК», «ФАБРЗАВУЧ», а также сокращенного обозначения формы товарного обращения «товар – деньги – товар» необходим комментарий, что и осуществляется в примечаниях.

С приведенными строками «агитационного» стихотворения «Мы» [25. С. 3] перекликаются нарбутовские строки: «Огромным яблоком Адама // Земля летела в темноте». Данный фрагмент, наряду с другими от-

рывками и набросками отдельных строф и строк, хранится в собрании внучки поэта Т.Р. Романовой, которое включает и архив рукописей, и машинописные тексты стихотворений Нарбута, уже известных по публикациям 1983 и 1990 гг. и ранее находившихся у В.Б. Шкловского.

Т.Р. Романова любезно предоставила возможность ознакомиться с архивом. Несомненная историко-литературная и художественная ценность обнаруженного поэтического материала обусловила необходимость формирования в составе стихотворной части тома отдельного раздела «Отрывки и черновые наброски 1920–1930-х годов».

Необходимо отметить, что черновики некоторых стихотворений, опубликованных в издании 1990 г. со ссылкой на архив Шкловского, в собрании Т.Р. Романовой отсутствовали.

Черновые записи фиксируют кропотливый поиск поэтом точного слова, рифм, поэтических образов. Нередко Нарбут создает несколько редакций произведения (например, стихотворения «Ялта», «Чехов», «Воспоминания о Сочи-Мацесте»). Включая в свои сборники стихи, ранее опубликованные в периодике, поэт нередко подвергал их переработке, порой значительной (например, стихотворение «В парикмахерской (уездной)», «Бродяга» и др.). Итоги текстологической работы по сопоставлению различных вариантов публикаций текстов, а также, в случае их наличия, черновых редакций, выявленные разночтения представлены в примечаниях.

Тексты раздела «Александра Павловна» опубликованы по изданию 1990 г., учитывавшему авторскую волю, отраженную в «Спирали». Отрывки одноименной поэмы дополнены текстом «Крыжние в зеленом росном небе...», который воспроизведен по рукописи, хранящейся в архиве Нарбута в РГАЛИ [22. Л. 2]. В издании 1990 г. эти стихи даны в разделе «Александра Павловна» под названием «Вечер», не в составе поэмы. Хранящаяся в РГАЛИ рукопись «Александры Павловны» включает две пронумерованные главки: 1. Детская весна («Оранжевые радужные перья...»); 3. Вечер («Крыжние в зеленом росном небе...»), что позволяет рассматривать данные стихи как составные части, «отрывки» поэмы. Этот вариант авторской композиции и представлен в собрании сочинений с соответствующими уточнениями в примечаниях.

Публикация стихотворного цикла «Семнадцатый» требовала учёта разночтений, воплощенных сначала в первопубликациях в одесской периодике 1920 г., потом в сборнике «Советская земля» (1921), а затем – в рукописи «Спирали» (отраженных в издании 1990 г.).

Представленные в собрании сочинений переводы стихотворений Темирболата Мамсурова и Магомета Мамакаева выполнены Нарбутом для сборника «Поэзия горцев Кавказа», вышедшего в Гослитиздате в 1934 г.

Нарбутовские переводы произведений Ивана Франко и Марии Конопницкой, на наличие которых указывали в своё время исследователи, отыскать пока не удалось.

В составе собрания сочинений впервые представлен корпус прозаических произведений Нарбута. В его прозе в не меньшей степени, чем в поэзии, нашло отражение акмеистическое внимание к «существованию вещи» и «собственному бытию». Показательны в этом отношении и ранние очерки «Соловецкий монастырь» [26. С. 14–18], «Святки в Малороссии» [27. С. 394–396], и рассказы 1913 г. «Пелагея Петровна» [28. С. 933–936], «Свадьба» [29. С. 1–7], и, наконец, созданные после революции мемуарные очерки «Король в тени. Воспоминания о В.М. Дорошевиче» [30. С. 6–7] и «О Блоке. Ключки воспоминаний» [31. С. 2–3].

Жанровое своеобразие созданных Нарбутом литературных портретов («ключки»), с одной стороны, соотносится с формальными исканиями поэта, для которого в 1920-е гг. фрагментарность становится ключевым принципом воплощения замысла (намеренная отрывочность «Александры Павловны», наброски и отрывки как форма бытования поэзии в его рукописях 1930-х гг.). В то же время мемуарные очерки насыщены историко-литературными фактами, подробностями быта, времени, нуждающимися в комментарии.

Уточнение границ художественного наследия Нарбута продолжается, как и изыскания, связанные с творческой биографией поэта. Несомненный историко-литературный интерес представляет общественная деятельность Нарбута, в частности его работа в ВАППе, период руководства Нарбутом крупнейшим в Советской России 1920-х гг. издательством художественной литературы «Земля и фабрика». Всё это – шаги на пути, начатом Л. Чертковым и продолженным Н. Бялосинской и Н. Панченко, Р. Тименчиком, Н. Богомоловым, И. Померанцевым, О. Лекмановым и другими, – по воссозданию целостной картины неповторимого художественного мира одного из самобытнейших поэтов XX в.

Список источников

1. Нарбут Т., Устиновский В. Владимир Нарбут // Ново-Басманная. 19. 1990. С. 313–355.
2. Померанцев И. Духовная поэзия Нарбута // Новый журнал (Нью-Йорк). 1998. Кн. 212. С. 106–123.
3. Тименчик Р.Д. К вопросу о библиографии В.И. Нарбута // De Visu. 1993. № 11. С. 55–58.
4. Богомолов Н.А. Затерянная книга, затерянное стихотворение // Новое литературное обозрение. 2009. № 99. С. 397–403.
5. Тименчик Р.Д. Блок – советник студенческого журнала. Блок и литераторы // Александр Блок. Новые материалы и исследования : в 5 кн. Кн. 4. Литературное наследство. Т. 92. М. : Наука. 1987. С. 546–549.

6. Чертков Л. Судьба Владимира Нарбута // Владимир Нарбут. Избранные стихи. Париж, 1983. С. 7–28.
7. Нарбут В. Автобиография от 13 мая 1927 г. Персональное партийное дело // РГАСПИ. Ф. 589. Оп. 2. Д. 4907. С. 1–5.
8. Бялосинская Н., Панченко Н. Косой дождь // Владимир Нарбут. Стихотворения. М., 1990. С. 5–44.
9. Нарбут В. В огненных столбах. Одесса, 1920. С. 4.
10. Нарбут В. Красный акафист // ОдУкРОСТА. Одесса. 1920. № 113 (20 авг.) С. 1.
11. Нарбут В. Наше рождество // Коммунист. Харьков, 1922. № 6 (598) (7 янв.). С. 3.
12. Владимир Нарбут. Стихи о войне // ЮгРОСТА. 1920. № 47 (3 июня). С. 1.
13. Владимир Нарбут. Советская земля. Харьков, 1921. С. 14.
14. Владимир Нарбут. Рождественская звезда // «Вісти – Известия» (Одесса). 1922. 7 янв. № 629. С. 2.
15. Лежнев И. Где же новая литература? // Россия. 1924. № 1. С. 179–203.
16. Нарбут В. Заявление секретарю ЦКК Шкирятову от 23 ноября 1928 г. Партийное дело // РГАСПИ. Ф. 589. Оп. 2. Д. 4907. С. 102.
17. Владимир Нарбут. Избранные стихи <Рецензия на книгу, без подписи> / Коротко о книгах // Континент. 1984. № 39. С. 419–421.
18. Заявление А. Воронского на заседании расширенной коллегии отдела печати ЦК ВКП(б), 14.VII.1927 // Персональное дело В.И. Нарбута. 1927. С. 24.
19. Интернационалист <без подписи> // Известия Глуховского Совета солдатских, рабочих и крестьянских депутатов. 1917. № 34 (11 окт.). С. 2–3.
20. Кожухаров Р. Стихи о войне Владимира Нарбута // Звезда. СПб., 2018. № 3. С. 105–112.
21. Владимир Нарбут. «Дворянской кровию отяжелев...» // Облава. Одесса, 1920. № 2. С. 2.
22. Архив Владимира Нарбута // РГАЛИ. Ф. 1687 (Нарбут В.И.). Оп. 1.
23. ЦА ФСБ РФ. Д. Р-11774.
24. Нарбут В. Книга стихов IV. (Неосуществленное издание.) Рукопись 1913 г. НИОР РГБ // Ф. 178. Музейное собрание. Ед. хр. 10755. 138 с.
25. Нарбут В. Мы // Харьковский понедельник. 1923. № 4. 9 янв. С. 2.
26. Нарбут В. Соловецкий монастырь. Бог – помощь. Беседа. 1908. Авг. С. 14–18.
27. Нарбут В. Святки в Малороссии. Рождественский бытовой очерк. Сборник русского чтения. 1908. № 50–52. С. 394–396.
28. Нарбут В. Пелагея Петровна // Нива. 1912. № 46–47. С. 933–936.
29. Нарбут В. Свадьба // Север. СПб., 1913. № 14. С. 1–7.
30. Нарбут В. Король в тени. Воспоминания о В.М. Дорошевиче // Театр. Одесса. 1922. № 2 (4 апр.). С. 6–7.
31. Нарбут В. О Блоке. Ключки воспоминаний // Календарь искусств. Харьков. № 1 (5 янв.). С. 2–3.

References

1. Narbut, T. & Ustinovskiy, V. (1990) Vladimir Narbut. In: Bogomolov, N.A. (ed.) *Novo-Basmannaya, 19*. Moscow: Khudozhestvennaya literatura. pp. 313–355.
2. Pomerantsev, I. (1998) *Dukhovnaya poeziya Narbuta* [Spiritual poetry of Narbut]. *Novyy zhurnal (N'yu-York)*. 212. pp. 106–123.
3. Timenchik, R.D. (1993) K voprosu o bibliografii V.I. Narbuta [On the Bibliography of V.I. Narbut]. *De Visu*. 11. pp. 55–58.

4. Bogomolov, N.A. (2009) Zatoryannaya kniga, zatoryannoe stikhotvorenie [Lost book, lost poem]. *Novoe literaturnoe obozrenie*. 99. pp. 397–403.
5. Timenchik, R.D. (1987) Blok – sovetnik studencheskogo zhurnala. Blok i literary [Blok as an adviser to the student magazine. Blok and writers]. In: Zilbershteyn, I.S. & Rozenblyum, L.M. (eds) *Aleksandr Blok. Novye materialy i issledovaniya* [Aleksander Blok. New materials and research]. Vol. 92(4). Moscow: Nauka. pp. 546–549.
6. Chertkov, L. (1983) Sud'ba Vladimira Narbuta [The fate of Vladimir Narbut]. In: Narbut, V. *Izbrannye stikhi* [Selected Poems]. Paris: [s.n.]. pp. 7–28.
7. Narbut, V. (1927) *Avtobiografiya ot 13 maya 1927 g. Personal'noe partiynoe delo* [Autobiography of May 13, 1927. Personal party case]. The Russian State Archive of Socio-Political History. Fund 589. List 2. File 4907. pp. 1–5.
8. Byalosinskaya, N. & Panchenko, N. (1990) Kosoy dozhd' [Slanting rain]. In: Narbut, V. *Stikhotvoreniya* [Poems]. Moscow: Sovremennik. pp. 5–44.
9. Narbut, V. (1920a) *V ognennykh stolbakh* [In pillars of fire]. Odessa: [s.n.]. p. 4.
10. Narbut, V. (1920b) Krasnyy akafist [The red akathist]. *OdUkROSTA*. 20th August. p. 1.
11. Narbut, V. (1922a) Nashe rozhdestvo [Our Christmas]. *Kommunist*. 7th January. p. 3.
12. Narbut, V. (1920c) Stikhi o voyne [Poems about war]. *YugROSTA*. 3rd June. p. 1.
13. Narbut, V. (1921) *Sovetskaya zemlya* [The Soviet land]. Kharkov: [s.n.]. p. 14.
14. Narbut, V. (1922b) Rozhdestvenskaya zvezda [Christmas Star]. *Visti – Izvestiya*. 7th January. p. 2.
15. Lezhnev, I. (1924) Gde zhe novaya literatura? [Where is the new literature?]. *Rossiya*. 1. pp. 179–203.
16. Narbut, V. (1928) *Zayavlenie sekretaryu TsKK Shkiryatovu ot 23 noyabrya 1928 g. Partiynoe delo* [Statement to the Secretary of the Central Control Commission Shkiryatov dated November 23, 1928. Party case]. The Russian State Archive of Socio-Political History. Fund 589. List 2. File 4907. p. 102.
17. Narbut, V. (1984) Izbrannye stikhi <Retsenziya na knigu, bez podpisi> / Korotko o knigakh [Selected poems <Review of the book, without signature> / Briefly about books]. *Kontinent*. 39. pp. 419–421.
18. Voronskiy, A. (1927) *Zayavlenie A. Voronskogo na zasedanii rasshirennoy kollegii otdela pechati TsK VKP(b), 14.VII.1927. Personal'noe delo V.I. Narbuta* [Statement by A. Voronsky at a meeting of the Expanded Board of the Press Department of the Central Committee of the All-Union Communist Party of Bolsheviks, 14.VII.1927 / Personal file of V.I. Narbut]. p. 24.
19. Anon. (1917) Internatsionalist [Internationalist]. *Izvestiya Glukhovskogo Soveta soldatskikh, rabochikh i krest'yanskikh deputatov*. 11th October. pp. 2–3.
20. Kozhukharov, R. (2018) Stikhi o voyne Vladimira Narbuta [Vladimir Narbut's war poems]. *Zvezda*. 3. pp. 105–112.
21. Narbut, V. (1920d) Dvoryanskoy kroviyu otyazhelev... [Heavy with noble blood]. *Oblava*. 2. p. 2.
22. The Russian State Archive of Literature and Art. (n.d.) *Arkhiv Vladimira Narbuta* [The Archive of Vladimir Narbut]. Fund 1687 (Narbut V. I.). List 1.
23. The Central Archive of the FSB RF. File R-11774.
24. Narbut, V. (1913) *Kniga stikhov IV. (Neosushchestvlennoe izdanie.) Rukopis' 1913 g.* [Book of Poems IV. (An unrealized edition). Manuscript 1913]. The Research Department of Manuscripts of the Russian State Library. Fund 178. File 10755.
25. Narbut, V. (1923a) My [We]. *Khar'kovskiy ponedel'nik*. 4. 9th January. p. 2.
26. Narbut, V. (1908a) Solovetskiy monastyr'. Bog – pomoch' [Solovetsky Monastery. God is to help. Conversation]. *Beseda*. August. pp. 14–18.

27. Narbut, V. (1908b) Svyatki v Malorossii. Rozhdestvenskiy bytovoy ocherk [Christmas time in Little Russia. A Christmas household essay]. *Sbornik russkogo chteniya*. 50–52. pp. 394–396.
28. Narbut, V. (1912) Pelageya Petrovna. *Niva*. 46–47. pp. 933–936.
29. Narbut, V. (1913) Svad'ba [Wedding]. *Sever*. 14. pp. 1–7.
30. Narbut, V. (1922c) Korol' v teni. Vospominaniya o V.M. Doroshevice [King in the shadows Memories of V. M. Doroshevich]. *Teatr*. 2(4th April). pp. 6–7.
31. Narbut, V. (1923b) O Bloke. Klochki vospominaniy [Shreds of memories]. *Kalendar' iskusstv*. 1(5th January). pp. 2–3.

Сведения об авторе:

Кожухаров Р.Р. – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры новейшей русской литературы Литературного института им. А.М. Горького (Москва, Россия). E-mail: r_k_md@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

R.R. Kozhukharov, Cand. Sci. (Philology), senior lecturer, Maxim Gorky Institute of Literature and Creative Writing (Moscow, Russian Federation). E-mail: r_k_md@mail.ru

The author declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 28.09.2020;
одобрена после рецензирования 31.05.2021; принята к публикации 14.03.2022*

*The article was submitted 28.09.2020;
approved after reviewing 31.05.2021; accepted for publication 14.03.2022*